

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.Б. Орлов

«ЧЕЛОВЕК ИСТОРИЧЕСКИЙ»

в системе
гуманитарного
знания

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2012

УДК 930.1
ББК 63.3
О-66

Рукопись подготовлена при поддержке Научного фонда ВШЭ,
проект № 10-08-0017 (2010 г.)

Рецензент — доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории и культурологии
Российского государственного аграрного университета —
МСХА им. К.А. Тимирязева
С.И. Маловичко

Орлов, И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарно-
О-66 го знания [Текст] / И. Б. Орлов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа
экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. —
191, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0943-2 (в обл.).

«Собрание» человека в его целостности обусловило не только общую антропологизацию направлений современной гуманитаристики, но и стремление к междисциплинарному диалогу, охватившее гуманитарные и социальные науки. Прежде всего речь идет о так называемой «новой исторической науке», многочисленные направления которой («новая культурная», «новая социальная», «новая локальная» и другие истории) привлекают (пусть и в разной степени) методологический инструментарий философии и антропологии, социологии и психологии. Все вышесказанное актуализирует задачу реконструкции философских и антропологических оснований современного исторического знания, все больше трансформирующегося в сторону рассмотрения истории как процесса становления человека в единстве его биосоциальной и духовной природы. Этим и другим проблемам «нового социогуманитарного синтеза» посвящена данная книга.

Для историков, философов, антропологов и всех интересующихся проблемами исторического знания.

УДК 930.1
ББК 63.3

ISBN 978-5-7598-0943-2

© Орлов И.Б., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Содержание

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1. Человек в истории: историко-философские традиции и новации</i>	18
<i>Глава 2. Новый антропологический Ренессанс и феномен «человека исторического»</i>	36
<i>Глава 3. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы</i>	73
<i>Глава 4. «Человек исторический»: грани и этапы трансформации</i>	112
<i>Заключение</i>	154
<i>Глоссарий</i>	157
<i>Библиография</i>	159

Введение

Каждое поколение открывает для себя свои горизонты, заявляя об их «новизне» ...однако, эти перспективы могут быть расширены, а притязания на новизну умерены, если опереться на знания предшественников (или пренебречь ими).

Дональд Келли, американский политолог¹

Современный сдвиг в системе социальных и гуманитарных наук связан с рядом новых тенденций в развитии знания о человеке и обществе:

- во-первых, с поисками нового «лидера», воспринимаемого в качестве методологического образца для других дисциплин. После долгого периода доминирования теологии эпоха Возрождения выдвинула на первые позиции механику, а промышленный переворот XIX столетия определил лидерство физики. С середины XX в. на лидерство в объяснении мира и человека стали претендовать сначала химия, а затем биология, чья роль проявилась в открытии функциональной асимметрии человеческого мозга и расшифровке структуры генетического кода. Именно на базе биологии сложилась теория систем, оказавшая глубочайшее влияние на другие науки, включая философию. И наконец, в конце XX столетия активизировались споры о ведущей роли социальных и гуманитарных наук в развитии человеческого знания и практики. Претензии на лидерство подкреплялись рядом открытий, связанных с применением к анализу социальной реальности теорий систем и информации, кибернетики и синергетики (см.: [Каган, 2001. С. 9–11]);

- во-вторых, с осознанием того, что для понимания сверхсложности системы «человек» (в его биологическом, социальном и культурном измерениях) необходима методология сопряжения социогуманитарного знания в единый комплекс «наук о человеке». Выработка теории знания о Человеке призвана возвестить о возвращении Субъекта истории. Заметим, что значимый историографический прорыв произошел именно в сфере междисциплинарного синтеза. Например, заимствованная из области политических наук методика сценарного

¹ [Kelley, 1987. P. 169].

прогнозирования выстраивает исторический опыт в обратной перспективе. Сценарии, заменившие собой законы, привнесли в интерпретацию исторического процесса меньшую детерминированность и более высокую степень вариативности². Если до середины XX столетия применение междисциплинарного подхода для историков было, скорее, редкостью, то во второй половине века это стало массовым явлением. Если до 1950-х годов историки обращались, главным образом, к географии, социологии, психологии и экономике, то в 1960–1980-х годах приоритет в междисциплинарных контактах был отдан антропологии, демографии и лингвистике [Репина, 1990. С. 170]³;

- в-третьих, с формированием антропоцентристской ориентации познавательной деятельности. Вопрос феномена человека в XX в. стал центральным (подробнее по этому вопросу см. главу 2)⁴;

- в-четвертых, с попытками определения места и роли национальных социально-гуманитарных наук (в том числе российской), долгое время находившихся на периферии мировой гуманитаристики, в научном пространстве Запада [Савельева, 2010. С. 7, 18];

- в-пятых, с многочисленными, сменяющими друг друга «поворотами» (антропологическим, лингвистическим, прагматическим, иконическим, медиальным, перформативным и проч.) последней трети XX столетия (подробнее об этих «поворотах» см. главу 3)⁵;

- в-шестых, с постмодернистским вызовом⁶, а со второй половины 1990-х годов — с отходом от наиболее радикальных лингви-

² Идея необходимости набора интерпретаций для понимания сложного явления заимствована гуманитариями у датского физика-теоретика Нильса Бора (1885–1962).

³ Более подробно о концепции интердисциплинарности и перспективах создания в рамках интеллектуальной истории нового раздела — истории интердисциплинарности — см.: [Репина, 2011. С. 25–60].

⁴ Заметим, что в предисловии редакционной коллегии к сборнику материалов Всесоюзной школы молодых историков обращение к человеку в истории было названо «непротиворечивой историей» (см.: [Человек и его время, 1991. С. 3]).

⁵ Можно только подчеркнуть их взаимосвязь. В частности, «лингвистический поворот» в историографии с его акцентированием представлений состоит в родстве с современной постмодернистской социологией. Для последней, в свою очередь, характерна проблематизация категории «повседневность», что, с одной стороны, выражается в ее экстраполяции на сферу социального, а с другой — в понимании самой социологии как особой повседневной практики.

⁶ Основные теоретические принципы и методологические установки «постмодернистской парадигмы» были изложены в книге калифорнийского историка Хайдена Уайта «Метаистория» (1973). В то время постмодернистский дискурс показался адекватным в описании «лоскутного» переходного характера цивилизации, хаоса меняющихся форм и ценностных систем, разрывов и трансформаций.

стических и культуралистских позиций. Рубежным в этом плане стал 1995 г., что отразили дискуссии на Историческом конгрессе в Монреале (август 1995 г.), в ходе которых звучали предостережения против излишнего увлечения «культурно-символической антропологией». На страницах юбилейного номера журнала «Американское историческое обозрение» (1995. № 100) бывший адепт «лингвистического поворота», американский философ, историк и литературовед Доминик Ла Капра (р. 1939) заметил, что доведенные до логического конца взгляды постмодернистов неминуемо приведут к признанию того, что «не существует ничего и в самом тексте». В этом же ряду — изданный в 1995 г. под руководством основателя Института современной истории Франсуа Бедарида (1926–2001) коллективный труд «История и специальность историка во Франции, 1945–1995» (подробнее по этому вопросу см.: [Патрушев, 2000]);

- в-седьмых, с резким расширением в среде историков интереса к истории культуры, исторической антропологии и проблемам современности.

Сегодня для подавляющей массы исследователей все более очевидной становится неспособность социальных и гуманитарных дисциплин понять прошлое по отдельности. Они могут сделать это только вместе. Хотя история науки свидетельствует об отсутствии единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их развитие подчиняется внутренней логике, а с другой — научные дисциплины по-разному реагируют на внешние стимулы. Например, для технических наук ведущим стимулом выступает производство, для естественных — базовые потребности человека, для общественных — социальные проблемы, а для гуманитарных — познание человека. Но в силу того, что социум является сложной самоорганизующейся системой, его исследование со всей неизбежностью требует «сетевое» принципа организации научного пространства. Другими словами, проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики в частности.

Именно на стыках различных дисциплин рождались разные (в территориальном и содержательном плане) направления и школы «новой истории», одним из ведущих эпистемологических принципов которых стал акцент на «тотальности» истории, учитывающий

все многообразие социальных практик, ставящий в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующий мультикультурность мира. Именно в рамках данного направления отстаивается необходимость междисциплинарности наук о человеке при определяющей роли истории.

В современных междисциплинарных исследованиях концепт человека представлен в трех аспектах, первый из которых определяется принадлежностью человека к социальным, политическим, правовым, религиозным и прочим общественным институтам. Второй аспект представлен обусловленными интеллектом и ценностями формами (языковой, информационной, образовательной, психосоматической и др.) включения человека в социальность. И наконец, третий аспект презентует рефлексирующего человека в поисках себя посредством текстов (см.: [Человек вчера и сегодня..., 2007]). В рамках данного исследования «человек исторический» понимается как деятельный и творческий субъект исторического процесса, включающий все вышеуказанные аспекты собственного становления.

Однако на пути интеграции человековедческих и обществоведческих наук существует немало препятствий. Прежде всего инкорпорация новых теорий в гуманитарных науках сталкивается с проблемой культурной и дисциплинарной дистанции. Нередко это вызывает не только некритические заимствования модных теорий, но и, что более существенно, методологический эклектизм и использование исследовательских техник без учета соответствующего концептуального аппарата [Савельева, 2010. С. 13, 16]. Кроме того, поворот филологов, антропологов и историков к тематике социальных противоречий, иерархий и неравенств в культуре пока недостаточно поддерживается тенденциями по «культуризации» социальной теории⁷. Не преодолено до конца увлечение постмодернистскими теориями с их утверждениями о тексте как единственной реальности, по определению французского философа, культуролога и литературоведа Жака Деррида (1930–2004). Впрочем, не стоит игнорировать выводы постмодернистов о невозможности рассматривать действительность независимо от языка. Другое дело, что язык представляет интерес не

⁷ МАГиЯ науки // Государственный университет — Высшая школа экономики. <<http://www.hse.ru/news/recent/24588110.html>>.

сам по себе, а в качестве посредника между текстом и реальностью. Кроме того, язык является неотъемлемым элементом памяти о прошлом. Через него опосредуются эмоциональное и этическое поведение людей, менталитет и психология. Но язык не только хранит информацию, он еще участвует в формировании мировоззрения. Через него осуществляется передача социального опыта, культурных норм и традиций. Универсальность языка по сравнению с другими знаковыми системами, генетическими кодами и матрицами поведения, памятниками культуры и истории позволяет ему описывать мир как целое, в том числе индивидуальный опыт людей и коллективов [Соколов, 2002. С. 338].

И еще одно немаловажное обстоятельство. Мы наблюдаем процесс гуманитаризации естественного знания: например, проникновение в физику идей герменевтики или формирование биоэтики⁸ — науки о нравственной стороне жизнедеятельности, призванной перекинуть мост между точными и гуманитарными науками. Но даже сегодня многие естественники склонны отказывать гуманитаристике в праве быть идентифицированной в качестве науки. Со своей стороны, историческое сообщество (как, впрочем, и другие профессиональные группы) настороженно относится к проникновению на свое научное пространство представителей других отраслей знания, особенно естественных и точных наук. Внедрение в сферу исторического (и в целом — гуманитарного) знания инструментария точных наук вызывает у ряда ученых опасения, что ценой обретения гуманитарными науками прикладного характера станет потеря ими гуманитарности.

Сегодня определение «новое» применяется почти ко всем направлениям исторического, антропологического и иного социогуманитарного знания. Оно превратилось в модную визитную карточку и неотъемлемый бренд исследовательского направления. Все это заставляет критически взглянуть на так называемые новые истории и другие отрасли гуманитарного знания, претендующие на «новизну». В частности, термин «новая история» еще в конце XIX — начале XX в. активно использовали немецкий историк Карл Лампрехт (1856–1915) и французский философ и социолог Анри Берр (1863–

⁸ Термин был впервые предложен американским онкологом и биохимиком Ваном Поттером (1911–2001) в 1971 г. в работе с одноименным названием.

1954). 1960–1970-е годы стали временем «реинкарнации» «новой истории» — сначала в США, а затем во Франции, где ряд историков третьего поколения школы «Анналов» вернули это понятие в широкий научный оборот⁹. По мнению испанского историка Игнасио Олабарри, помимо школы «Анналов», определение «новая история» применимо к неомарксистской историографии, сформированной под сильным влиянием американской «социальной научной истории»; работам группы историков, сплотившихся вокруг британского журнала «Past and Present»¹⁰, и немецкой «билефельдской школе» (*Gesellschaftsgeschichte*) [Олабарри, 2004].

Развитие современного знания демонстрирует две противоположные, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин и стремление к ликвидации внутридисциплинарной деривации. С другой стороны, очевидна уже упомянутая нацеленность на интеграцию с иными дисциплинами и стремление к новому научному синтезу. Наблюдающийся эпистемологический взрыв способствует выработке открытой для широкого использования (прежде всего, социогуманитарными дисциплинами) междисциплинарной «теории знания о Человеке» как некой «надметодологии», дающей возможность выходить за узкодисциплинарные рамки. Тем самым в рамках новой историографической культуры формируется новый тип рефлексивной истории. Кроме того, полидисциплинарность дает не только значительное расширение эпистемологических границ теории, но и возможность концептуализации характеристик исторического знания, полученного с помощью дискурса разных социогуманитарных дисциплин¹¹.

⁹ Под «новой историей» Жак Ле Гофф, Пьер Нора, Роже Шартье и Жак Ревель понимали все, что не является «традиционным», т.е. связанным с научной традицией XIX в. (см.: [La nouvelle histoire, 1978]).

¹⁰ Концепция журнала, основателями которого стали Лоуренс Стоун и Джон Х. Элиот, представляет собой смесь идей неомарксизма и школы «Анналов».

¹¹ Американский историк Даниэл Филд обратил внимание, что под термином «дискурс» или «дискурс» (от *фр.* discours — речь, беседа) на Западе чаще всего понимается цельная словесно-идеологическая система, отражающая нужды и чаяния определенной социальной группы (см.: [Современные концепции аграрного развития, 1996. С. 139]). Хотя в переводе с латыни данный термин означает «челнок», что лучше передает характер взаимоотношения через язык авторской мысли и текста. Согласно мнению Джона Фиске, «дискурс есть язык <...> сформированный обществом в целях распространения связанного набора смыслов по поводу определенной темы» (см.: [Fiske, 1987. P. 14]).

Объектом исторического исследования выступает человек, природа и поведение которого разнообразны и могут быть рассмотрены в разных ракурсах. Более того, в современной философии историчность становится существенной характеристикой реальности как таковой. Ведь человек может быть понят только посредством изучения исторического процесса. В силу вышесказанного, воссоздание картины современного гуманитарного знания о человеке как субъекте исторического процесса предусматривает определенный набор исследовательских задач:

- во-первых, описание основных теорий философии истории в контексте «человеческого измерения истории»;

- во-вторых, прослеживание ведущих тенденций развития и взаимодействия исторической антропологии, исторической психологии, исторической социологии и других социальных и гуманитарных дисциплин;

- в-третьих, реконструкцию основных направлений «новой исторической науки» с целью выявления общих принципов и возможностей интеграции. Тогда как в современной историографии больше внимания уделяется отличиям и новациям в подходах среди гуманитариев, нежели сходствам и преемственности их теоретических позиций и исследовательских практик.

Характер исследования определяет специфический методологический инструментарий, включающий:

- теорию действия французского философа-постструктуралиста и социолога Пьера Бурдьё (1930–2002)¹²;

¹² Для Бурдьё любое действие индивида происходит в социальном пространстве, которое, в свою очередь, одновременно существует как совокупность индивидов и практик, с помощью которых индивиды организуют это пространство. Для обозначения практик, понимаемых как неосознанное поведение, подчиняющееся правилам, воспринятым из внешней среды в процессе активного взаимодействия с ней, социолог ввел понятие «габитус» (от *лат.* *habitus* — внешность, наружность). Габитус является одновременно продуктом предыдущих практик, средством управления поведением индивида в обыденных ситуациях и средством, изменяющим и упорядочивающим внешнюю среду. Он существует вне индивида и при этом включен в его сознание. Но действие человека подчинено габитусу не полностью, так как выступает продуктом взаимодействия габитуса, задающего границы поведения, и различных событий.

- «интерпретативную» («символическую») антропологию американского антрополога и социолога Клиффорда Гирца (1926–2006)¹³;
- социальную морфологию французского этнографа и социолога Марселя Мосса (1872–1950)¹⁴;
- экзистенциалистское понимание человека в его искусственности и конечности, благодаря чему человек открыт в бытие, которое, в свою очередь, может в нем проявиться, и оказывается возможностью, замыслом и, что для нас важно, **историчностью**;
- широкий сравнительно-исторический (компаративистский) контекст;
- трансдисциплинарный подход, сочетающий в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иных видов социального опыта (см.: [Киященко, Моисеев, 2009]). Так, в современной отечественной социологии, изучающей процессы взаимодействия личности и общества, помимо марксистской традиции, структурно-функционалистского направления и феноменологического подхода, наметились «мультипарадигмальные» подходы (например, универсумная теория¹⁵ В.Г. Немировского, системная социология А.А. Давыдова, изучение социального бессознательного З.В. Сикевич, синергетическое направление и др.) [Немировский, Невишко, 2008. С. 32–33].

Конечно, задача преодоления междисциплинарных барьеров и интеграции научного знания была поставлена еще в рамках неклассической социологии, но окончательно социальная наука освобождается от монопредметности и узкодисциплинарности только в рамках

¹³ Предметом научного интереса Гирца выступали символические аспекты коллективных действий — обычаев, ритуалов, праздников и социальных движений — в их связи с «этическим» отношением к миру. Он понимал культуру как символическую сеть («паутину значений»), а существование культуры — как процесс ее интерпретации и контекст понимания. Интерпретативный анализ опирается на поток социального дискурса в конкретных контекстах и непосредственно идентифицируется с установлением социальной и культурной компетенции в инокультурной обстановке.

¹⁴ Мосс, известный своими трудами о социальном феномене дарения и культурных «техниках тела», стал автором концепции «тройственного человека» в единстве его биологических, психологических и социальных особенностей. Именно такой «тотальный» человек должен стать предметом «синтетического» человекознания.

¹⁵ В рамках этой теории социум рассматривается в единстве его природно-космических связей и измерений.

постнеклассической науки, утверждающей онтологический плюрализм и гносеологический релятивизм [Резник, 2000. С. 72–73]. Для постнеклассической социологии характерно не только обращение к культурно-философской традиции и стирание междисциплинарных различий с социогуманитарными науками, но и синтез социогуманитарного и естественно-научного знания, и включение современных направлений системного анализа (синергетики, диатропика (науки о разнообразии), фрактального подхода¹⁶ и др.). Кроме того, постнеклассическая социология, наряду с рациональными ценностями, обращает внимание на «ценностные переживания» и массовое бессознательное. Выдвигая на первый план не столько социальность человека, сколько его духовность (способность к творчеству и стремление к высшим ценностям), постнеклассика рассматривает социальную реальность как отражение реальности духовной [Немировский, Невирко, 2008. С. 86–87, 90–91, 97].

Трансперсональные подходы, характерные для неклассического этапа развития науки, набирают силу и в психологии. В первую очередь, это касается изучения трансперсональных переживаний, т.е. переживаний, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальности, охватывая человечество в целом, жизнь, дух, космос и связанные с ними явления (см., например: [Майков, Козлов, 2004; Нэвилл, 2001]). Анализ современного состояния психоанализа с позиций «метапсихологии» позволяет обнаружить корреспондентность современных школ различным философским течениям, и прежде всего герменевтике, феноменологии и «философии диалога» (см.: [Старовойтов, 2004]).

В современной российской философии актуализируются аксиологические подходы к жизни¹⁷, основанные на различных мировоз-

¹⁶ Понятие «фрактал», введенное французским математиком Бенуа Мандельбротом (1924–2010), обозначает нелинейную структуру, сохраняющую самоподобие при неограниченном изменении масштаба. Согласно этому подходу, индивиды взаимодействуют между собой по типу резонанса, а человек как микрокосмос несет в себе потенциальное множество личностей и представляет собой Вселенную в миниатюре.

¹⁷ Сегодня аксиология как философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, все больше разворачивает философское и социогуманитарное знание к анализу «человеческого в человеке». В результате этого *история* предстает как «генетическое дедуцирование» ценностей, *социология* — как репрезентация типов и иерархий ценностных систем, а *культурология* — как целостный анализ автономных культурных образований.

зренческих программах, включая религиозные взгляды на ценность живой природы. При этом особое внимание уделяется исследованию ценности жизни в социокультурном аспекте (см.: [Жизнь как ценность, 2000]). Рассмотрение методологических, гносеологических и онтологических проблем исторической науки позволило не только сформулировать основные антиномии исторического знания, но и выделить возможные подходы к интерпретации исторической реальности [Блюхер, 2004]. Кроме того, в философии истории, как и в исторической науке, обнаруживается общее стремление ответить на вопросы о духовно-нравственном смысле исторического процесса, путях реализации человека в истории и возможностях обретения общечеловеческого единства.

В связи с вышесказанным следует вернуться к вопросу о причинах усилившихся в конце XX в. сомнений в состоятельности исторической науки, которая на протяжении XIX–XX столетий занимала ведущие позиции в гуманитарном знании и претендовала на статус парадигматической науки о человеке [Копосов, 2001. С. 17–18]. Уверенность в способности обогащать все остальные дисциплины, определявшая до недавнего времени историческую ориентацию западной гуманитаристики, была поставлена под сомнение в последней трети XX в. «лингвистическим поворотом» и «постмодернистским вызовом», за которыми последовал затяжной эпистемологический кризис¹⁸. Смысл истории как отрасли знания был «обнаружен» не в способности познать прошлое, а в умении о нем рассказать в нужном ключе, в силу чего история все большим числом исследователей (особенно за пределами исторического цеха) стала восприниматься не как наука, а как особая культурная практика и, следовательно, продукт творчества своих создателей [Ankersmit, 1989. P. 139]. Один из столпов постмодерна философ и теоретик литературы Жан-Франсуа Лиотар (1924–1988) обозначил программу постмодерна как недоверие к метарассказам и своеобразный вызов основам современного мира, которые «объясняет» и оправдывает история [Лиотар, 1998. С. 10].

¹⁸ См., например: [Harlan, 1989. P. 881]. Однако вспомним, что если в переводе с греческого слово «кризис» означает «суд», то на китайском языке это понятие означает «открывающуюся возможность». Последнее толкование более отвечает современному — синергетическому — пониманию кризиса как поля открывающихся новых возможностей.

Лейтмотивом постмодернизма стала идея французского социолога, этнографа и культуролога Клода Леви-Стросса (1908–2009), отождествляющая структуры культуры и языка. При этом в отличие от структурализма, стремившегося выявить некую универсальную бессознательную праструктуру, для постструктурализма характерен интерес к неструктурным и неструктурированным компонентам. Согласно апостолу постструктурализма Мишелю Фуко (1926–1984), главная цель «археологии знаний» — изучение исторически изменяющихся систем познания и культуры (эпистем) на основе языка, психологии и психоанализа, где базовое — отношение слов и вещей, выражаемое в форме речевых практик (дискурсов). В центре внимания оказываются отношения к власти и социальная обусловленность исторического познания. Кроме того, упор делается на то, что в истории играют роль не только закономерности, но и случайности — безумие и различные социальные аномалии (см.: [Фуко, 1995; 1996а; 1997]).

Вывод об отсутствии объективной реальности прошлого и существовании только одной данности — текста — соседствовал с заключением о множественности смыслового его прочтения. Другими словами, постмодернистский подход представляет собой деконструкцию текста через «я» исследователя, предусматривающую диалог с познаваемым субъектом¹⁹. Принципом познавательной деятельности становится субъективизм, в силу чего на смену идеологии текста приходит его «безличная» природа, понимаемая как архетип «коллективного бессознательного». Применительно к истории это ведет к отказу от ее понимания как смыслообразующего процесса, взамен чего предлагается неопределенная категория «становление» [Юрганов, 2001. С. 41–42].

В литературе отмечаются два момента, выделяющие постмодернизм из общей когорты феноменологических и герменевтических дисциплин, стремящихся установить смысл социальных текстов. Это, во-первых, трактовка проблемы отношений между субъектом и доступными ему средствами самовыражения (дискурсами) и, во-вторых, понимание взаимосвязи между дискурсами и способностью

¹⁹ Суть подобного подхода английский социолог польского происхождения Зигмунд Бауман характеризовал как переход «от законодательного разума к интерпретирующему» (цит. по: [Пржиленский, 2005]).

устанавливать и поддерживать существование различного рода иерархий [Ушакин, 1996. С. 135]. Постмодернистский проект с его разочарованием в глобальных историко-теоретических построениях и недоверием в отношении «метарассказов» содействовал не только фрагментации исторического знания, но и отказу от представлений о едином историческом пространстве. Отвергалась сама возможность проследить связи между историческими событиями. Одновременно с критикой накопленного знания наблюдались попытки новой интерпретации исторической реальности, когда на первый план выходили ранее считавшиеся несущественными события и детали. Постмодернисты в числе прочего предложили заменить историю «сверху» историей «снизу», осуществлять своеобразный исторический синтез на микроуровне общества и «олитературить» историю, в том числе повседневную и т.п. [Соколов, 1999. С. 66, 75].

Отчасти относительность исторического знания предопределена «исходной многозначностью трех основных компонентов исторического исследования: исторического факта, исторического источника и метода исторического исследования» [Репина, Зверева, Парамонова, 2004. С. 4]. Кроме того, события XX столетия и изменение роли науки актуализировали противопоставление между жизнью как объектом познания и наукой (прежде всего, историей) как средством познания, в силу внутренних условий своей организации, не способной познать все многообразие жизни [Кнабе, 1994. С. 249–250]. Свою роль в кризисе исторического знания сыграло и интенсивное развитие во второй половине XX столетия когнитивных наук, и прежде всего психологии, лингвистики и искусственного интеллекта. Именно в них упор делается на изучение процессов интеллектуального творчества, форм языка, письма и речи, вербальных и невербальных текстов. В частности, под влиянием произошедшей в 1950-х годах когнитивной революции, среди психологов все большую популярность стал приобретать взгляд на врожденный характер свойств разума, слабо обусловленных социальной средой. В силу такого подхода гуманитарное и социальное знание, как и любое другое, не рассматривается как производное от исторических условий, а история трактуется как проекция человеческого разума.

Однако сохранило позиции и понимание истории как части социального сознания и элемента политико-идеологических пред-

ставлений. Уверенность в том, что без истории невозможно формирование социальной идентичности и представлений о своих перспективах, ведет к тому, что исторический опыт презентуется как результат не только рационального осмысления прошлого, но и его интуитивного и эмоционального восприятия. Именно стремление выстроить диалог философов и историков вокруг концепции опыта, не сводимого только к дискурсу (так называемая «средняя позиция») определило одну из тенденций развития историографии со второй половины 1990-х годов.

Сегодня наиболее четко концепция «феномена человека» и возрождение антропологического синтеза для его познания представлены в рамках когнитивной истории. Об этом направлении более подробно будет сказано дальше. Пока ограничимся констатацией успешности попытки в рамках когнитивной истории преодолеть разрыв естественных и гуманитарных наук, определить смысл познания и выстроить критерии доказательности познания, создать интегральную концепцию «человека исторического» (см.: [Медушевская, 2010б; 2010а; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской, 2010. С. 131–166]).

В связи с вышесказанным хочется указать, что данная работа не претендует на тотальность историографического обзора (тем более, что мы являемся свидетелями настоящего бума новых концепций, направлений и жанров). Учитывая общую направленность социогуманитарного (а не только исторического) знания на междисциплинарность, можно только догадываться о возможном числе комбинаций методов и предметных полей постоянно разрастающихся дисциплин и субдисциплин. Кроме того, автор не ставил своей целью стать «отцом-основателем» очередного «нового» направления. Задача данного исследования намного скромнее — дать обзор (по возможности аналитический) современного (с необходимыми экскурсами в историю) знания о человеке как объекте и, самое главное, субъекте исторического процесса. У читателя может сложиться впечатление, что автор в ряде случаев сознательно или бессознательно уклоняется от четких оценок преимуществ и недостатков того или иного подхода. Но это также не входило в его задачу. Наоборот, он стремился увидеть в каждом направлении, школе или концепции общий вектор развития человекознания от дисциплинарной замк-

нутости к диалогу. Ведь ценность любого концептуального построения состоит в открытии не только новых «залежей», но и новых возможностей для интерпретации имеющихся «сырьевых ресурсов» [Репина, 2011. С. 162]. Исходя из общего принципа о возможности «сравнения сравнимого», автор выбрал в качестве центральной точки столкновения научных (и околонаучных) теорий «человека исторического», под которым понимается деятельный и творческий субъект истории как процесса обретения смысла существования Человека.

Человек в истории: историко-философские традиции и новации

Философы часто заблуждаются,
считая, что история им не нужна.

Иммануил Кант, немецкий философ

Те историки, которые и сегодня пытаются обойтись
без философии истории, напоминают нудистов, тщетно
и цинично стремящихся воссоздать райские кущи Эдема в
наших садовых пригородах.

Эдвард Карр, британский историк¹

Сложившаяся в XVIII в. как особый раздел философии и конституировавшаяся как автономная дисциплина в работах немецкого историка культуры Иоганна Гердера (1744–1803) философия истории представляла собой философскую интерпретацию исторического процесса. В настоящее время перечень основных задач философии истории значительно расширился и включает:

- 1) выявление обобщенной схемы процесса развития истории;
- 2) анализ общих форм протекания истории;
- 3) изучение главных факторов исторической эволюции;
- 4) исследование смыслообразующих факторов исторического процесса, его направлений и целей;
- 5) прогнозирование ведущих тенденций будущего развития человека и человечества;
- 6) анализ предмета исторической науки [Ирвин. С. 32].

Сегодня, несмотря на периодически обостряющуюся полемику, все больше ощущается необходимость тесного взаимодействия философии истории и собственно истории в решении этих и других задач. Мешают этому в первую очередь претензии обеих отраслей

¹ [Карр, 1969. С. 24].

гуманитарного знания на главенствующую роль в теоретическом осмыслении исторического процесса. Еще в 1960-е годы философы застолбили за собой преимущественное право теоретического осмысления исторических процессов, мотивируя это тем, что «история, в конечном счете, имеет тот смысл, который ей приписывает философия» (см., например: [Арон, 1960. С. 120; Gardiner, 1965. P. X–XI]).

Чего только стоят заявления специалистов в области философии истории относительно того, что «историк стремится заниматься прошлым и только прошлым», «не делает прогнозов и не заглядывает в будущее» и «неодобрительно относится к мысленному эксперименту в истории». Зато, если верить философам, точка зрения философии истории «является более широкой, чем точка зрения истории». Даже настоящее в философии истории, оказывается, «существенно шире, чем настоящее историка», так как представление о нем «вырастают в первую очередь из системы гуманитарного знания, далее из целостной системы всей современной культуры». Тем самым философия истории, по их мнению, «придает реальной истории недостающие ей ясность и схематичность» [Барбашина. С. 229; Ирвин. С. 32].

Впрочем, сомнения в познавательных возможностях исторической науки далеко не новы. Еще на рубеже XIX–XX вв. они были озвучены в «философии жизни» немецкого философа и историка культуры Вильгельма Дильтея (1833–1911) и в работах создателей баденской школы неокантианства Вильгельма Виндельбанда (1848–1915) и Генриха Риккерта (1863–1936). Выступив против позитивистской теории познания, они обратили внимание на специфику гуманитарных знаний с точки зрения неустранимости субъективного момента из процесса исторического познания.

Конечно, теоретическая «агрессивность» современной философии истории вполне объяснима, учитывая постмодернистский вызов, отказывающий философскому исследованию истории в способности к построению связанных концепций исторического развития. Кроме того, представителей философии истории возмущает сведение ее дисциплинарного поля к одному из разделов теории познания. Однако подобная же жесткая позиция в отношении исторического цеха вряд ли облегчит установление диалога.

Справедливости ради следует заметить, что и со стороны отдельных представителей исторической науки нередко выдвигаются претензии на парадигмальность истории в отношении гуманитарных и

социальных наук. Этому способствует то обстоятельство, что на современном этапе область философии истории характеризуется разнонаправленными, а зачастую и взаимоисключающими тенденциями. Более того, на всем протяжении XX в. ряд тем, традиционно находившихся в ведении философии истории, постепенно перешел к другим областям гуманитарного знания. Выход из создавшегося положения представителями философии истории видится, прежде всего, в необходимости избегать расширительного толкования данного направления². Философия истории в современном философском знании представлена, главным образом, такими направлениями, как критическая, рефлексивная и аналитическая философия истории, для которых характерен значительный разброс философско-исторических построений. Если критическая философия истории представляет собой, по сути, философию исторического знания, а рефлексивную интересует историческое сознание, то аналитическая философия истории обращает свое внимание на строение исторических эпох и событий [Барбашина. С. 229].

Доминирование аналитической традиции в философии (см. рис. 1.1) продолжалось до 1970-х годов, но с приходом постмодернизма сформировалась так называемая «новая философия истории», напрямую связанная с «лингвистическим поворотом». Несколько упрощая, можно сказать, что суть «лингвистического поворота» состояла в переходе от «говорения» о реальности к «говорению о говорении». В исторической науке это выразилось прежде всего в установлении взаимоотношений между уровнями «принуждения опытом» и «принуждения языком». Уровень «говорения о говорении» предполагает наличие в историописании различных «языков» для рассуждения об исторической реальности. То есть представления о прошлом часто имеют происхождение не в установленном историческом факте, а в языке, используемом историком [Доманска, 2010. С. 10–11].

² Действительно, сегодня понимание философии истории довольно вариативно. Некоторые авторы рассматривают ее как фрагмент (пусть и существенный) более широкой истории цивилизации, духа или культуры. К расширительному толкованию относятся различные варианты рассмотрения философии истории как поля для приложения различных моделей и пространства философских исследований вообще, к примеру, как история идей, понятий, проблем, ценностных установок или познавательных ситуаций.

Рис. 1.1. Основные направления аналитической философии истории второй половины XX в.

Как «соединение» постструктурализма французского философа и историка Мишеля Фуко и деконструкции его соотечественника, философа и теоретика литературы Жака Деррида, постмодернизм основное внимание обращает на отношение слов и вещей, выражаемое в форме речевых практик (дискурсов) и на обнаружение культуры письма. При этом последняя не может быть выражена в строгих понятиях, поскольку источник не подчиняется принципу «бытия как присутствия», а воплощает в себе принцип различия и инаковости. Деконструкция текстов выводит на создание отдельных историй, в основе которых лежит описание. При этом каждый вправе составить из этих фрагментов свой коллаж. Тем самым история как система научных знаний отвергается вообще и заменяется множеством виртуальных историй-рассказов (подробнее см.: [Соколов, 2002. С. 316–320]).

Впрочем, постмодернизм далеко не однороден. В философии постмодернизма можно говорить о двух ведущих моделях — французского философа и теоретика литературы Жана-Франсуа Лиотара и голландского философа Франклина Рудольфа Анкерсмита (р. 1945). У Лиотара идея постмодернизма предстает как критика метанарратива — рассказа Просвещения о результатах прогресса научного знания. А со временем метанарративы трансформировались в бесконечное число субнарративов, как самостоятельных, «локальных» игр языка, которые используются в различных научных сообществах (см.: [Лиотар, 1998]). Тогда как Анкерсмит предложил другую метафору постмодерна, сравнив историю с деревом. Если ранний модернизм с его эссенциализмом³ делал акцент на стволе дерева (исследовании механизмов истории при холизме⁴ ее видения), историзм и поздний модернизм сфокусировали внимание на ветвях дерева (например, истории идей), то постмодернизм сосредоточил внимание на листьях (истории ментальностей и микроистории). Наступившая в западной историографии в 1990-х годах, по мнению Анкерсмита, «осень» заставляет собирать и изучать опавшие с исторического дерева листья. При этом, однако, имеет значение не место, с которого они собраны, а то целое, которое из них можно сформировать.

«Новая философия истории», принципы которой были сформулированы Анкерсмитом⁵, отличается от традиционной философии истории рядом положений:

- во-первых, отрицанием классической эпистемологии;

³ Эссенциализм (от *лат.* *essentia* — сущность) — философская установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств.

⁴ Холизм (от *др.-греч.* *ὅλος* — целый, цельный) — учение, рассматривающее мир как единое целое, где отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть общности.

⁵ В качестве синонимов нередко употребляются термины «новая версия традиционной философии истории», «интерпретативная версия дескриптивной философии истории», «синтетическая версия аналитической философии истории», «лингвистическая версия критической философии истории (лингвистический поворот в историографии)» и «постмодернистская версия модернистской философии истории» (см.: [Копосов, 2001. С. 284–295]).

- во-вторых, особым взглядом на исторический текст — нарратив⁶;

- в-третьих, эстетизацией исторической работы;

- в-четвертых, рационализацией историзма⁷;

- в-пятых, новой концепцией репрезентации исторического прошлого, в которой язык сравнивается с «зеркалом» прошлого. В основу «новой философии истории» Анкерсмит положил симбиоз исторической герменевтики немецкого философа Ганса-Георга Гадамера (1900–2002)⁸ и аристотелизма. Герменевтика Гадамера, подкрепленная принципами Аристотелевой эпистемологии (в частности, идеей наличия связи между субъектом и объектом познания), дает Анкерсмицу возможность понять прошлое как «часть нас самих». То есть, исследуя прошлое, мы осуществляем не акт присвоения чужой реальности, а акт «узнавания той части нас самих, которая с течением времени просто приобрела от нас странную независимость»;

- в-шестых, интересом не к тотальности истории, а к изучению ее ответвлений [Анкерсмит, 2003а. С. 25–30, 64].

Анкерсмит предложил новую методологию философии истории назвать «историческим письмом», где нарратив задается художественным языком и личным опытом автора. Если «старая» философия акцентировала внимание на связи между авторской интенцией и текстом, то «новая» — на связи между текстом и его чтением. То есть

⁶ Хотя здесь не все так просто. По крайней мере, в литературе выделяются три формы нарратива, каждая из которых требует своих интерпретационных практик. Так, психологический нарративизм Уильяма Гэлли предусматривает настрой читателя на интенции создателя нарратива. Аналитический нарративизм Майкла Уайта и Артура Данто заключается в исследовании логической структуры предложений и показе возможностей нарратива создавать новые интерпретации прошлого. И наконец, лингвистический нарративизм Хайдена Уайта несет в себе сравнение прошлого с текстом (см.: [Gallie, 1959. P. 386–401; Данто, 2002; Louch, 1969; White, 1965; Уайт, 2002]).

⁷ Напомним, что в основе историзма, согласно версии немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886), лежит «идея истории», позволяющая понять, как связаны между собой элементы и части прошлого. При этом «идея истории» помещена не в тексте, а в самом прошлом.

⁸ Историческая герменевтика Гадамера берет начало с человека, последним горизонтом которого является историчность. Идея познания прошлого представляется его интерпретацией — способом изучения текста и поиска его значений. Тем самым историческое прошлое становится интеллектуальной конструкцией и утрачивает свою подлинность.

в центр исторической работы поставлен текст, но не как объект изучения и интерпретации историка, а как то, на что смотрит читатель. Это понимание текста как цельности, неразложимой «на отдельные утверждения об исторических событиях», диктует необходимость особого «текстуального» механизма, обращающего внимание на ирревалентные детали и маргинальные нюансы. В «текстуальный» механизм входят основные понятия и приемы неофрейдизма, современного литературного и философского постструктурализма, деконструктивизма, лингвистики и философии языка. Предметом исследования «новой философии истории» становится исторический текст в целом, а не его отдельные утверждения. Для Анкерсмита не философия и наука являются основой историописания, а наоборот, история становится основой философии. Большая роль здесь отводится литературе и искусству (например, реализму поп-арта), откуда вытекает эстетическая природа историописания. Спецификой постмодернистского взгляда на историописание объявляется «деконструкция модернистского различия между языком и миром» [Анкерсмит, 2003а. С. 30, 32–36].

Американский историк и литературный критик Хайден Уайт (р. 1928), выдвинувший идею «историографического стиля» в философии истории (см.: [Уайт, 2002]), выделил пять уровней концептуализации исторического материала, первые два из которых представляют собой селекцию и обработку исторических данных: хроники, повествование, сюжетный аргумент (эстетика), объяснительный аргумент (наука) и онтологическая импликация (этика). В особый уровень им выделяется тропологическая стратегия. В частности, для страт 3–5 были предложены четыре возможных способа артикуляции фактов для получения исследовательского результата (см. рис. 1.2). Здесь очевидно влияние теории канадского филолога Нортропа Фрая (1912–1991), выделявшего четыре ключевых «мифа» (мировоззренческих жанра) (см.: [Фруе, 1957]). Кроме того, американский философ и литературовед Кеннет Бёрк (1897–1993), занимаясь теорией комедии, выдвинул тезис о возможности представить любое историческое событие в пяти базисных драматических категориях: «действия», «деятели», «сцены» или «фона», «цели действия» и его «инструментария». При этом различие видений и способов изложения истории во многом обусловлено возможностью фокусироваться

на разных категориях этой драматической грамматики, с достаточной свободой распределяя по ним явления и концепты. Тем самым со смещением фокусировки и перераспределением наполнения отдельных категорий образы истории кардинально трансформируются (см.: [Burke, 1969]).

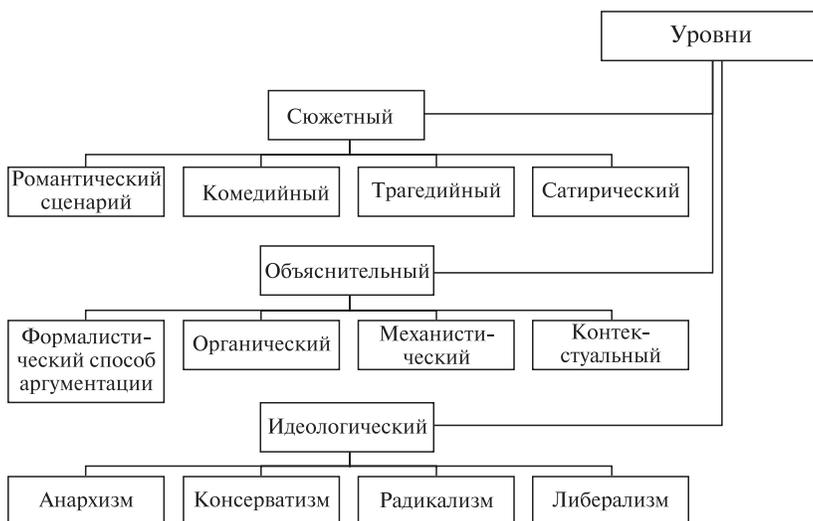

Рис. 1.2. Способы артикуляции фактов

То есть историографический стиль представляет собой специфическую комбинацию типов сюжетности, научного объяснения и идеологической ангажированности и подчинен определенной тропологической стратегии⁹. Но при всей схожести работы историка с трудом художника, Анкерсмит предостерегает от того, чтобы расценивать историю как форму литературы (см.: [Анкерсмит, 2003а. С. 38–41, 43]).

В целом в постмодернистском подходе исторический источник представляется более широким понятием, нежели исторический

⁹ В частности, для европейской культуры XIX в. на основе анализа текстов Я. Буркхардта, К. Маркса, Ж. Мишле и Л. фон Ранке Уайт выделил четыре тропологических модели: метафора, метонимия, синекдоха и ирония.

документ. В рамках данного направления ставятся задачи не только верификации содержания документа, но и реконструирования всего общественного контекста его возникновения. Методологическая эволюция, выраженная в виде триады (текст — контекст — супертекст), особо отчетливо проявляется в популярном в современной историографии историко-семиотическом анализе. Для постмодернистской философии истории исторический нарратив расценивается как средство интерпретации прошлого, а язык исторического нарратива как язык самой истории. Другими словами, текст нарратива выступает единственной реальностью, и другого прошлого нам не дано. Но при этом текст не может служить историческим свидетельством, так как создан в итоге усилий автора и с учетом культурных обстоятельств места и времени его создания. Если «старая» философия истории согласовывала различные интерпретации истории через соотнесение их с фактами, то «новая» согласовывает их с аргументами текста нарратива и поэтому допускает, что последний обладает правом «насилия над реальностью». В силу того, что язык нарратива непрозрачен и автономен в отношении прошлого, его предложения обладают природой вещей, а не понятий. Нарративный текст — это тип дискурса историка, который должен анализировать не столько исторические события, сколько процесс интеллектуальной деятельности и стиль историка. С точки зрения «нового историзма» конфигурация фактов в нарративе определяется воображением историка. Кроме того, необходимой в конструировании культурно-исторических систем считается интеграция истории и литературы [Анкерсмит, 2003а. С. 44–45, 47–50, 61–62].

В частности, из множества концептуальных идей постструктурализма особенно плодотворными для «новой философии истории» оказались идеи французского философа, семиотика и литературоведа Ролана Барта (1915–1980), для концепции которого характерны два ключевых положения. Во-первых, текст понимается как исключительное средство выражения этических, идеологических и иных взглядов автора на реальность. Во-вторых, реальность прошлого связана с появлением «эффекта реальности прошлого», который создается иррелевантными деталями, упомянутыми в тексте. То есть реальность прошлого заключена в том эффекте, который создается

напряжением, возникающим между элементами текста и самим текстом. Эффект, в свою очередь, возникает только по контрасту значения (предсказаний) и означенного — примечаний (незначительных деталей текста или «заурядных событий»), которые являются самым прошлым [Там же. С. 21–23].

Постмодернизм как радикальный историзм, при всех его сходствах с историзмом¹⁰, все же существенно отличается от последнего¹¹. Во-первых, если историзм конструирует контекст исторических событий, то постмодернизм — деконструирует его. Во-вторых, историзм изучает свидетельства как автономную историческую реальность, а у постмодернистов репрезентация не менее реальна, чем сама реальность. В-третьих, если историзм подменяет «опыт прошлого прошлым опытом», то постмодернистский анализ феномена исторического опыта построен на его интерпретации, основой которой служит «феномен ностальгии». То есть речь идет о прямом переживании опыта прошлого через ностальгию. В-четвертых, субъект исторического опыта в историзме трансисторичен и обладает жестко фиксированной точкой зрения. Тогда как постмодернистский субъект историзирован и, в силу течения исторического времени и перемещения самого историка, у него нет постоянной позиции или точки зрения. В-пятых, в историзме объектом исторического опыта выступает любой физический предмет, находящийся вне человека и служащий объективизации линейного прошлого. А в постмодернизме объект исторического прошлого является объектом истории ментальностей, обладающим способностью быть одновременно и вне, и внутри человека. То есть здесь объективизируется не само прошлое, а различие между прошлым и настоящим («различающая» версия философии истории, в определении Анкерсмита) [Там же. С. 52–58].

Американский философ Ричард Рорти (1931–2007), выдвинувший проект «деструкции» предшествующей философской тради-

¹⁰ В их ряду: отрицание метанарратива, базирование основных положений на категории различия, проблематизирование исторической реальности, фрагментация изображаемого и отрицание единства прошлого.

¹¹ О позициях, принимающих или отвергающих преемственность между модернизмом и постмодернизмом, см.: [Smart, 1990. P. 14–30].

ции, предложил переписать «таинственную природу ментального» в терминах нейрофизиологии. При этом, стремясь отмежеваться от сциентизма, он подчеркивал неограниченность словаря для такого переописания. В контексте постмодернистского варианта прагматизма (или «аналитического неопрагматизма») позитивный характер получали такие описания действительности, которые предельно полезны в той или иной особой ситуации. Рорти, немало сделавший для пропаганды лозунга о «смерти эпистемологии», на место философии предложил поставить индифферентное к дисциплинарным и мировоззренческим делениям исследование индивидуальности и социума, в центре которого расположена идея «вездесущности языка» как всеобъемлющей формы человеческого опыта. Тем самым сущность гуманитарного мышления должна была совпасть с «литературной критикой», а история философии превращалась в череду гениальных творений человека — неких «словарей», обогащающих его «самообраз» [Рорти, 1996а. С. 155–172; 1994. С. 29–34].

К концу XX в. постмодернизм исчерпал многие аспекты своих ключевых тезисов. Если акцентирование текстуальности исторического свидетельства и самой истории стало характерным признаком исторической дисциплины, то в реальной практике историков довольно редко можно встретить отсылки или обращение к семиотике или деконструкции. Очевидно, что метафора «мир как текст» перестала быть адекватной новым реалиям. В новой исторической ситуации пост-постмодерна ключевой тенденцией исторических и философско-исторических исследований становится возрастающая востребованность нарратива [Доманска, 2010. С. 7, 12, 13].

Кроме того, свою роль сыграла и неоднозначность трактовки понятий историзма или историцизма, в ряде случаев выступающих синонимами, а в других — представляющих разными (даже иногда противоположными) категориями. Ниже на рис. 1.3 приводятся некоторые встречающиеся в литературе определения историзма. Принадлежность к той или иной традиции (или манипулирование сразу несколькими определениями) заставляют по-иному посмотреть на соотношение модернизма и постмодернизма в их базовых принципах.

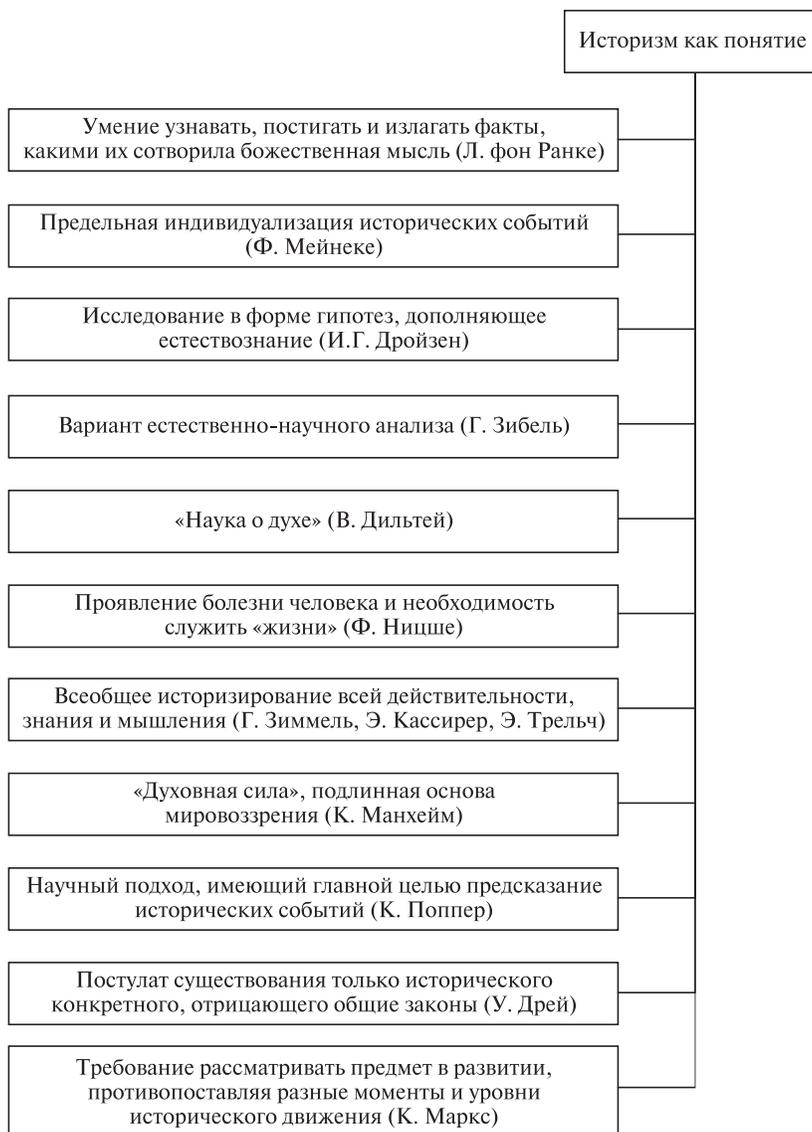

Рис. 1.3. Многообразие определений историзма

Существенное влияние на способы реконструкции истории оказывает выбор эпистемологического варианта философии истории. Так, «подводящая» теория немецкого и американского философа Карла Гемпеля (1905–1997) основана на исследовании проблем исторического объяснения исходя из аналогичности законов истории и естественных наук. Использование универсальных эмпирических гипотез в качестве объяснительных принципов, с точки зрения ученого, позволяет выявить, что рассматриваемое событие было не просто делом случая, но ожидалось в силу определенных предшествующих или одновременных условий. То есть в истории в не меньшей степени, чем в любой другой области эмпирического исследования, научное объяснение может быть получено только с помощью соответствующих общих гипотез или теорий, представляющих собой совокупность. Многие из универсальных гипотез, лежащих в основе исторического объяснения, могут в целом быть классифицированы как психологические, экономические, социологические и исторические законы. Кроме того, историческое исследование (например, методы эмпирической проверки подлинности документов) использует общие законы, установленные в физике, химии и биологии (подробнее см.: [Гемпель, 1998. С. 16–31]). Другими словами, предлагается расширить возможности понимания исторического процесса за счет междисциплинарного взаимодействия, прежде всего в области методологии различных наук (методологическое единство эмпирической науки).

В свою очередь, теория действия в истории финского логика и философа Георга фон Вригта (1916–2003) основана на неоднозначности связи между интенцией и действием. Ведь интенция собственного действия ясна только действующему субъекту, тогда как наблюдатель со стороны (в том числе историк) может строить только предположения об интенции этого действия. Причем разброс возможных интерпретаций весьма велик. Кроме того, Вригт обратил внимание на трудности «перевода» действий людей, принадлежащих к иной культуре. Отсюда вытекает сравнение понимания поведения с пониманием языка: «Можно было бы сказать, что интенциональное поведение похоже на использование языка. ...Точно так же, как использование и понимание языка предполагает языковое сообщество, понимание действия предполагает сообщество учреждений,

практики и технического оснащения, в которое вводят посредством обучения и тренировки» [Wright, 1971. P. 114–115].

И наконец, аналитическая герменевтика британского философа и историка Робина Коллингвуда (1889–1943) предполагает, что историк может изучать лишь то прошлое, которое «живет» в настоящем. При этом история сводима к истории мысли. Историк призван расшифровать свидетельства эпохи, понять смыслы, вкладывавшиеся людьми в их творения, и способ мышления людей об их жизни в прошлом (см.: [Коллингвуд, 1980]).

Кроме того, надежды на выход исторической науки и гуманитаристики вообще из «кризиса репрезентации» конца XX столетия все больше стали связываться с изучением исторического опыта, рассматриваемого в качестве точки пересечения публичного языка и частной субъективности или понимаемого в контексте феномена исторической памяти (см., например: [Хаттон, 2003]). Еще одной тенденцией развития философии истории в начале XXI в. стал поиск решения проблемы отношения между эстетическим, научным (историографическая истина) и философским (смысл и значение исторического исследования) измерениями историописания.

Таким образом, характерными чертами, определяющими облик пост-постмодернистской философии истории, выступают:

- во-первых, отрицание метафоры «мир как текст»;
- во-вторых, сдвиг фокуса анализа от созерцания окружающего мира и человека к исследованию причин и форм его «восстания» против существующей реальности;
- в-третьих, призыв к мульти- и трансдисциплинарности в исторических и философско-исторических исследованиях;
- в-четвертых, обращение к постгуманистическим основаниям знания в контексте поворота к «не-человеческому» (киборги, клоны, мутанты, вещи как субъекты и проч.) [Доманска, 2010. С. 21, 25].

Помимо философии истории, на исторические представления и теоретические построения существенно влияют социологические теории последних десятилетий. Следуя инверсионной интерпретации повседневности, снимающей оппозицию между сакральным и профанным, французский социолог Мишель Маффесоли (р. 1944)

трактует конституирование социальности как повседневность (см.: [Маффесоли, 1991. С. 133–137; 1997. С. 14–16]). В свою очередь, польский и английский социолог Зигмунд Бауман (р. 1925) манифестирует постмодернистскую социологию как комментарий к повседневности [Бауман]. Благодаря этим и другим исследованиям, социология начала менять свой статус «поставщика» окончательных истин о социуме на статус «интерпретатора» областей социальной реальности. В постмодернистском проекте ставилась задача выявить, как общественная практика отражается в определенных образах и символах и как через язык происходит выражение социальной идентификации. Л.Г. Ионин даже поставил вопрос о существовании новой, постмодернистской повседневности исходя из степени соответствия когнитивного стиля сегодняшнего дня шести признакам когнитивного стиля повседневности, выделенным австрийским философом и социологом Альфредом Шюцем (1899–1959). Российский социолог показал, что современный мир в известном смысле представляет собой возвращение к неопределенности и неустойчивости мира до-модерна, в котором место потусторонней, или божественной, реальности занимает реальность виртуальная. Постмодерн возвращает человеку множество миров, но это его собственное множество миров, которое ему не навязано ни Богом, ни природой. И одновременно эпоха постмодерна демонстрирует снижение личностной определенности индивидуума [Ионин, 2000].

Еще одной знаковой тенденцией в трансформации повседневной жизни в постмодернистском проекте стало включение эстетического в контекст повседневности, отражающее интеграцию эстетики в общий для гуманитарных наук второй половины XX в. процесс постижения реальности повседневной жизни. Тем самым была нарушена сложившаяся традиция представления эстетического начала в повседневности только искусством — архитектурой, прикладным искусством и дизайном. То есть обыденная жизнь мыслилась как профанный мир, полный несовершенства и дисгармонии, красота в который привносилась извне. Однако социальные практики второй половины XX столетия не только расширили традиционную сферу эстетического и превратили его в технологию организации жизни, но и сделали дизайн тотальным явлением. Немецкий социолог Герхард Шульце ввел понятие «общества переживаний», в котором

одной из главных ценностей жизни становится возможность испытывать положительные и разнообразные переживания и среди них важнейшие — эстетические. Польский эстетик Богдан Дземидок, оттолкнувшись от понятия «эстетосферы» М.С. Кагана, предложил перечень сфер и модусов повседневности постмодерна, включающий все возможные проявления эстетического в повседневной жизни. Сюда отнесены не только конкурсы красоты и шоу культуристов, туризм и спортивные зрелища, обряды и ритуалы, формы популярной культуры и пластическая хирургия, но также жилище и производство потребительских товаров (подробнее по этому вопросу см.: [Лелеко, 2001. С. 34–36]).

Впрочем, только постмодернизмом дело не ограничивается. В современной социологии, исследующей социальный тип личности, выделяется пять основных парадигм в понимании сущности социальной реальности:

1) парадигма «социальных факторов», сводящая социальную реальность к двум группам факторов — социальным структурам и социальным институтам. Среди различных вариантов данной парадигмы обращает на себя внимание прежде всего теория социального действия американского социолога и социального антрополога Толкотта Парсонса (1902–1979). Согласно этой теории, выстраивается причинно-следственная цепочка: наличие телесной организации человека является условием существования личности. Формирование личности, в свою очередь, служит предпосылкой формирования социальной системы, а последняя выступает предпосылкой культуры;

2) парадигма «социальных дефиниций», рассматривающая социальную реальность через способ понимания людьми социальных фактов и включающая ряд теоретических направлений. В частности, для символического интеракционизма характерен акцент на лингвистической стороне коммуникации, в силу чего социальная деятельность представляется как совокупность социальных ролей, фиксируемых в системе языковых и иных символов. Например, согласно концепции американского социолога и социального психолога Герберта Блумера (1900–1987), каждой социальной роли соответствует определенная идентичность. Американский философ и социолог Джордж Мид (1863–1931), связавший становление человека с открытием общества для себя, выразил идентичность в актах социаль-

ного признания. Согласно теории «зеркального я» американского социального психолога Чарльза Кули (1864–1929), личность формируется на основе множества взаимодействий людей с окружающим миром. А американский социолог и психолог Ирвинг Гоффман (1922–1982) ввел понятия «ролевое дистанцирование» — стремление человека представить свое поведение в некоторых ситуациях как вынужденное и не отвечающее сути происходящего;

3) парадигма «социального поведения», выраженная в бихевиористской социологии и теории социального обмена, расценивает поведение человека как соответствующую реакцию на определенные внешние стимулы, акцентируя внимание на вознаграждении ожидаемого и наказании нежелательного социального поведения. К примеру, американский социолог Джордж Хоманс (1910–1989) провозгласил примат психологического над социальным, а исходным положением теории социального обмена еще одного американского социолога Питера Блау (1918–2002) является вывод о необходимости разным людям различных типов вознаграждения, которые они могут получить только во взаимодействии с другими людьми;

4) парадигма «психологического детерминизма», в которой реальность рассматривается через призму конфликта индивида и общества (неофрейдизм и фрейдомарксизм). Согласно этой парадигме, развитие личности представляется как процесс «развертывания» врожденных свойств человека. При этом большинство сторонников психоаналитической ориентации¹² считают, что цивилизации, нормы, запреты и социальный контроль, хотя и являются необходимыми для выживания человечества, ведут к прогрессирующему отчуждению человека;

5) парадигма «социально-исторического детерминизма», связанная с работами классиков марксизма и рассматривающая социальную реальность как совокупность отношений между людьми, складывающуюся в процессе их совместной деятельности (подробнее по этому вопросу см.: [Немировский, Невирко, 2008. С. 14–23]).

¹² В этом ряду — австрийский психолог и психиатр Альфред Адлер (1870–1937); немецкий философ, социолог и социальный психолог Эрих Фромм (1900–1980); американский психолог и психиатр Гарри Салливан (1892–1949); американский психолог Карен Хорни (1885–1952) и др.

То есть сегодня постмодернистская социология не является доминирующим направлением. Как, впрочем, и постмодернистская философия. В противовес постмодернистским понятиям «текст» и «язык», базовым постулатом «новой рационалистической теории и философии истории» выступает историческая информация. И наконец, на представления о месте и роли человека в истории существенную роль оказал «антропологический поворот», исследованию разнообразных проявлений которого в системе социогуманитарного знания посвящена следующая глава.